

Защита прав журналистов: практическое измерение

Алексей СИМОНОВ, президент Фонда защиты гласности

Наш Фонд защиты гласности ведет мониторинг нарушений прав журналистов и пытается защищать журналистов, чьи права ущемлены, и одновременно вырабатывать какие-то общие стратегии профессиональной защиты. У нас есть три табу. Мы не занимаемся трудовыми спорами. Мы не занимаемся конфликтами между средствами массовой информации. И мы снимаем с себя немедленно защиту журналистов, как только журналист становится депутатом или даже кандидатом в депутаты.

Первое, с чем сталкиваешься, когда начинаешь заниматься защитой прав журналистов, это с насмешливым отношением к этой деятельности со стороны самих журналистов. Суть возражений: "Зачем мы будем сообщать вам о том, что с нами происходит, если вы не можете нам сразу помочь и мгновенно решить все наши проблемы?".

Этот нигилизм мы пытаемся преодолеть уже пятый год. И только в 1998 году такое отношение к нашей работе мы в значительной степени победили.

Еще одна проблема связана с полной разобщенностью редакционных коллективов и журналистов. Когда-то, когда я был очень молодой и был артистом эстрадной студии МГУ, там была такая миниатюра: выходил человек на сцену и говорил: "Ну что я мог сделать один?". Потом выходил второй человек и говорил: "Ну что я мог сделать один?". Постепенно сцена заполнялась людьми. И была полная сцена. И все они, сливаясь в единый хор, повторяли: "Ну что я мог сделать один?". Таково состояние средств массовой информации на сегодняшний день. Поэтому приходится отрабатывать способы защиты журналистов, не ожидая, что кто-то кинется тебе на помощь.

Понятно, что маленькая общественная организация, каковой является Фонд защиты гласности, не может реально помочь всем журналистам России, число которых, по подсчетам, переваливает за 100 тысяч человек. Но мы можем суммировать и анализировать все, что происходит с журналистами и с журналистикой, то есть создавать то зеркало, глядя в которое и общество, и профессиональная корпорация захотят что-то предпринять. А нам есть что показать. Достаточно сказать, что в период организации наших региональных центров (в 1996 году) мы зарегистрировали примерно 365 конфликтов в средствах массовой информации. В 1997 году – 760, в 1998 году – 1077. Список субъектов Федерации, из которых у нас есть информация и в которых зафиксированы конфликты в 1998 году, – 69.

Другая проблема заключается в том, что чаще всего мы получаем информацию только тогда, когда речь идет о чем-то из ряда вон выходящем, скандальном. То есть если кого-то убили, то эта информация до нас доходит. Если сожгли жилье – то информация доходит. А если идет планомерное, тихое удушение прессы, то информация до нас не доходит, потому что все воспринимают это как нормальный и естественный процесс. Поэтому мы считаем, что эта тысяча конфликтов составляет от 30 до 35 процентов конфликтов, которые на самом деле в России с прессой происходят или происходили в 1998 году. Эта статистика дает нам понимание тенденции. Позволяет предсказать, какие конфликты будут увеличиваться, какие конфликты будут ослабевать и т.д., и т.п.

Например, с моей точки зрения, чрезвычайно важным для понимания ситуации в прессе 1998 года является тот факт, что впервые за пять лет, что мы занимаемся мониторингом, количество исков к прессе превысило количество исков, или превысило количество тех конфликтов, где пресса выступает в качестве потерпевшего. Это означает, что власть устала бороться с прессой путем наездов на нее.

Она нашла более эффективный и более действенный способ воздействия на прессу через иски о защите чести и достоинства или возбуждения уголовных дел по клевете, оскорблению и т.д.

То есть прессу душат и при этом говорят, что она сама в этом виновата. Если внимательно посмотреть на общее движение событий, можно увидеть, что эта же тенденция находит подтверждение в деятельности законодателей. В Думе непрерывно предпринимаются попытки "усовершенствовать" законы о средствах массовой информации таким образом, чтобы процесс удушения прессы был для власти еще более облегчен. Это и попытки принять закон Кобзона–Боканя, или закон "О Высшем совете по нравственности". Это и попытки принятия поправок к Закону "О средствах массовой информации", в которых не скрывается желание порулить прессой. А самое

главное – получить законодательно обоснованные поводы нажима на нее.

Что нам удалось сделать? Мы исследовали ситуацию с исками к прессе о защите чести и достоинства. Начали мы с законов. Мы предположили, что законы, которыми руководствуется суд при рассмотрении этих дел, мягко говоря, недостаточно четко сформулированы. Мы наняли лучших психолингвистов России. Они провели вместе с нами исследование, которое называлось "Понятие чести, достоинства, ненормативности, деловой репутации и т.д. в текстах права и средств массовой информации". Из этого исследования мы получили четкое подтверждение того, что практически ни один из юридически существенных терминов в этом поле не имеет четкой юридически сформулированной базы. Ни один. Даже понятие чести и достоинства. А некоторые вообще никак не сформулированы.

Например, в законах нет понятия "деловая репутация". Нет понятия "общественный интерес". Не существует понятия "клевета".

Следовательно, в этой ситуации, какое бы решение ни принял судья, оно всегда будет законным. Закон дает ему такую возможность. А дальше возникает, как говорится, его личное отношение к средствам массовой информации.

Мы занялись выяснением этого вопроса. И выяснилось, что судьи и журналисты, как правило, относятся друг к другу очень плохо. И тогда мы провели еще одно исследование, которое называлось "Средства массовой информации и судебная власть в России: проблема взаимодействия", где мы выяснили, что же происходит в судах. Каким образом происходит? Почему происходит? То есть мы поставили диагноз: в сегодняшних условиях, при том отношении друг к другу, которое есть у этих профессиональных сообществ (не буду называть их корпорациями), никаких шансов демократического общества выжить в этой стране нет. Потому что суду доверяют 10 процентов жителей. Причем, недоверие к суду испытывают тем больше, чем лучше знакомы с его деятельностью. А с другой стороны, средства массовой информации зачастую пишут о суде с той степенью юридической, правовой и человеческой безграмотности, когда основным для журналиста становится желание лягнуть судью, а не похвалить хотя бы одного, который судит честно.

Соломон был знаменитым судьей именно потому, что он выделялся на фоне других коррумпированных судей. И только потому он стал моральным авторитетом. Мы вместо того, чтобы выращивать эти моральные авторитеты как у себя, так и в среде судей, пытаемся всех размазать по асфальту. При такой системе взаимоотношений нет выхода. А ведь единственное, что произошло на самом деле с нашим "советским обществом", так это появление относительно независимых средств массовой информации и имеющих шанс быть независимыми судов. Пусть формально. Пусть не до конца. Но тем более необходимо им держаться вместе. А все происходит наоборот.

И тем не менее, мы добились того, что написанную нами по результатам исследования книгу обсуждали на Президентском совете по усовершенствованию правосудия. Были приняты рекомендации этого Совета, в частности, рекомендация о проведении еще одного пленума Верховного Суда, который должен дать разъяснения по вопросам, которые будет формулировать Фонд защиты гласности. Мы их уже сформулировали. Есть надежда, что из этого пленума что-то выйдет. И, по крайней мере, хотя бы несколько позиций мы сумеем продвинуть. Например, самое большое количество ошибок в судебных решениях связано с тем, что на честь и достоинство претендуют любые организации. Но у юридических лиц нет и не может быть чести и достоинства. Если мы добьемся хотя бы одного этого разъяснения, то уже одна треть дел отпадет.

Если эту тенденцию мы вовремя углядели и предупредили о ней профессиональное сообщество, то в другом случае мы прокололись.

Речь идет о попытках огосударствления средств массовой информации. Мы заметили эту тенденцию в прошлом году, но не посчитали опасной, хотя она уже проклеивалась. В этом году она идет семимильными шагами. А значит, на мой непросвещенный взгляд, примерно треть средств массовой информации в России перестают быть средствами массовой информации.

Что будет дальше? Дальше возникнет коллизия между двумя законами: Законом "О средствах массовой информации", которому подчиняются средства массовой информации, и Законом "О госслужбе", по которому должны действовать госслужащие, составляющие редакционные коллективы средств массовой информации, ставших муниципальными предприятиями. И, следовательно, через некоторое время окажется, что, собственно говоря, на некоторые средства массовой информации Закон "О средствах массовой информации" больше не распространяется. Мы сейчас пытаемся этому противостоять. Но еще раз говорю: это надо было делать год назад.

Однако бороться с этим довольно сложно. Потому что наши дорогие журналисты поначалу с радостью пошли на эту сделку. И не просто пошли, но еще и лозунг несли: "Свобода бывает тогда, когда тебе платят деньги". И с этим лозунгом они там и оказались.

Некоторые, кстати говоря, совершенно довольны своим положением.

Еще одна тревожная тенденция обнаружилась в 1998 году – выросло число конфликтов между средствами массовой информации, которые обращаются в суд о защите чести и достоинства от своих коллег. Но тогда таких конфликтов было один–два. А сейчас, в 1999 году, их, по–моему, около 40 – в основном в регионах.

И в заключение хочу сказать, что делать эти обобщающие выводы, проводить исследования мы можем только потому, что постепенно в регионах появились люди, которые поверили в нашу идею. Было много споров и даже ссор с журналистами, которые брались нас представлять в регионах. Им очень хотелось выступать в судах, выходить на площади, делать заявления. А собирать информацию, то есть то, что является основным хлебом журналистики, – этого им хотелось меньше всего. Эта проблема возникает у меня и сейчас с некоторыми из наших региональных коллег.